

С Борисом Херсонским по улице Херсонской

Улица,
Моя однофамилица...

Вера Инбер

Нет, не в честь Бориса Херсонского или кого-либо из его прадедов была названа эта улица. Херсонская определяла дорогу на Херсон. Херсонские — выходцы из Херсона. "Улица, моя однофамилица", — вкусно произнес Борис строку из стихотворения 30-х годов Веры Инбер. А я подумал, что, может быть, и еще одна классическая строка имеет отношение к этой семье: "Он шел на Одессу, а вышел к Херсону". Возможно, так оно и было в первой половине 19-го века, а затем Херсонские уточнили маршрут, и более чем полтора века живут в Одессе.

Борис Херсонский:

— Мой прадед был ветеринарным врачом, имел дом на Ближних Мельницах. Как видно, был состоятельным человеком, послал сына, моего деда, изучать медицину в Германию. И дед, и мой отец — врачи. Кстати, мой дед, Роберт Херсонский, писал стихи. У него вышли две книжки — "Вся Одесса в эпиграммах" и "Гудок". К сожалению, в тридцатые годы он уничтожил весь свой архив, слишком антибольшевистскими были стихи Ра-Ро (это его псевдоним). И дед, и отец Григорий Робертович участвовали в Великой Отечественной войне, отец дважды был ранен... Дед прошел всю войну. Он был начальником неврологического госпиталя. А в Одессе основал детское психоневрологическое отделение в ПНД. Отец после войны, в 1949 году, издал в Одессе книгу стихов "Студенты", а недавно, в 2004-м, к его 80-летию, была издана новая его книга "Возвращение", где есть и военные стихи, и новые. Так что и в медицине, и в поэзии я продолжаю "семейное дело".

Евгений Голубовский:

— Представлять одесским читателям Бориса Херсонского, уверен, нет нужды. И все же...

Борис Григорьевич родился в 1950 году. Окончил одесский мединститут (поступал на первый курс в Станиславе). Профессор, заведующий кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Автор 15 поэтических книг, из которых пять изданы в Москве. Лауреат премий журнала "Новый мир", поэтического фестиваля "Киевские лавры", стипендиат фонда имени Иосифа Бродского...

Мы знакомы с 70-х годов, вместе работали в газете, одновременно были депутатами Одесского горсовета, поэтому, естественно, обращаемся друг к другу по имени, так что не будем менять тон разговора и в этой публикации.

Мы сидим в кафе "Кларабара" у конца улицы Херсонской, которую каждый из нас тысячи раз отмерил шагами, сидим и говорим о городе, его людях, чьи имена обрели или еще не обрели мемориальные доски.

Борис Херсонский:

— Начало улицы — это институт микробиологии, больница мединститута, начиная от городской больницы, построенной в 1808 году по проекту Тома де Томона, автора первого, увы, сгоревшего, здания Городского театра. Затем в 1900-х годах здесь приросли новые клиники медицинского факультета университета, построенные по проекту архитектора Н.К. Толвинского... Так вот, в этих клиниках проходили мои первые медицинские практики. Когда-то здесь работали Н. Пирогов, Н. Склифосовский, А. Скроцкий. Но и мне повезло. Среди моих учителей были М. Ясиновский, Г. Соколянский, Ц. Левина, И. Дмитриева...

Евгений Голубовский:

— Для меня Херсонская началась с "Публички" — с библиотеки имени Горького. Здесь в студенческие годы в отделе искусств я часами рассматривал альбомы некогда существовавшего в Москве Музея современного искусства, влюбился в Ван Гога и Гюгена, Матисса и Пикассо, здесь открыл для себя импрессионистов, законспектировал книгу Камиля Моклера. А сколько поэтических сборников я впервые прочитал здесь! Как часто возникали неожиданные связи! Выписываешь книгу, берешь ее в руки и убеждаешься, что до тебя ее требовал Александр Дерибас, другую Леонид Гроссман, третью — Семен Кирсанов...

До сих пор помню многих сотрудников библиотеки, не просто знатоков своего дела, а людей, влюбленных в книгу. В отделе искусств общался с Верой Павловной Нагорской, затем со Светланой Григорьевой, Ирой Шайкевич. До сих пор дружу с Таней Щуровой, Олей Барковской. Много времени проводил у краеведов. Отлично знал свое дело Григорий Каширин, чья дочь Галина Семькина сейчас работает в Литмузее. Постоянным собеседником моим там была Света Дзюбина. Помню библиографов, с которыми дружил, — Наташу Касько, Майю Башину... Жалею, что не был знаком с жившей при библиотеке женой Александра Дерибаса, а до этого первой женой Ивана Бунина Анной Николаевной Цакни.

Борис Херсонский:

— Бунин — это еще одна страница жизни улицы Херсонской. Помнишь, как еще в самиздате мы читали "Окаянные дни"? Там среди прочего есть крик ужаса Ивана Алексеевича — что делают с людьми в подвале ЧК на Херсонской? А ведь с этой улицей он был связан не понаслышке. Здесь в 1898 году он поселился, женившись на Анне Цакни, у ее отца, журналиста, народовольца Н. Цакни, на Херсонской, 44. Увы, как и многие памятники культуры и истории в нашем городе, этот дом планомерно разрушают, несмотря на протесты общественности.

Евгений Голубовский:

— Твоя книга, изданная в Москве в издательстве "Новое литературное обозрение", не случайно названа "Площадка под застройку". Как ты мне сам объяснял, ты с болью ощущаешь, что для нуворишей весь наш город — площадка под застройку, и не более того. Кстати, я очень рад, что обложка и рисунки в этой книге — работы Александра Ройтбурда. Не просто замечательного художника, но создателя нового искусства.

Борис Херсонский:

— Но, к сожалению, на этой улице нет ни музеев, ни галерей, ни живописцев.

Евгений Голубовский:

— Ты прав, нет мемориальной доски, но в доме 46 жил "первый живописец Одессы" Кириак Костанди. Охранять этот дом нужно, а не разрушать, возможно, сделать в нем музей.

В самом конце улицы, в стыке с Преображенской на нечетной стороне — последние два окна бывшей квартиры и мастерской художницы Татьяны Резвой. О ней все чаще вспоминают в связи с ее сыном — покорителем океанов на одноместной лодке Теодором Резвым.

Борис Херсонский:

— Если ты вернулся в конец улицы, хочу вспомнить, что напротив, в доме по Херсонской, 60, была мастерская нашего общего друга, архитектора Евгения Ильича Оленина. С ним мы оба поддерживали отношения много лет. Моя первая публикация в "Вечерней Одессе" — участие в дискуссии о проекте Е. Оленина "Дерибасовская". А затем я активно помогал ему, когда он выступил с идеей установки часовни на месте взорванного собора. Тогда еще не думали, что пройдет время, и собор будет возрожден. Но помнишь, мы с тобой участвовали в крестном ходе, когда воздвигали крест на месте, где находился алтарь.

Нравится мне проект Жени Оленина реконструкции Греческой площади. Это было, употреблю медицинский термин, реанимирование Круглого дома, всей площади. А ведь то, что произошло ныне, — это и есть освоение "площадки под застройку".

Евгений Голубовский:

— Название твоей книги стихов вновь возвращает к поэзии.

Улица Херсонская помнит Александра Сергеевича Пушкина. На углу Дворянской, где сейчас боковой фасад Академии холода, стоял дом И. Ризнича, мужа Амалии, в которую был влюблен Пушкин. А впрочем, в 23-24 года он в Одессе влюблялся беспрестанно, эта атмосфера влюбленности побуждала писать стихи — к Амалии Ризнич, к Каролине Собаньской, к Елизавете Воронцовой. Кстати, резиденция Михаила Семеновича Воронцова была в доме Фундуклея, на Херсонской, 42. Дом, в сущности, сохранился, хоть надстроен, сейчас в нем один из факультетов университета. Так вот тут, в библиотеке графа, в салоне Елизаветы Ксавьерьевны (ведь Воронцовский дворец на бульваре был построен несколько позже) Пушкин бывал часто.

Насколько я помню, чуть ли ни первые твои стихи, увы, несколько "отредактированные", опубликованные в "Комсомольской искре", были связаны с пушкинской Одессой.

Борис Херсонский:

— История забавна и типична для тех времен. Стихотворение кончалось строками: "в его руке гусиное перо, белейшее перо в крылах России". Логика редактора была такова — если белейшее перо в крылах России — гусиное, то и Россия — гусыня. Строки после редактирования выглядели так: "В его руке гусиное перо — белейшее крыло в руках России". Это, впрочем, юношеские стихи, и их я никогда более не публиковал.

А кто из нас избежал поэтической влюбленности?! Здесь, на Херсонской, снимала квартиру Люда. Еще до того, как стать моей женой.

Евгений Голубовский:

— О поэзии на этой улице можно говорить еще в связи с Григорием Поженяном. На боковом фасаде Академии холода, выходящем на Херсонскую, в списке отважных моряков-разведчиков, ушедших отсюда в бессмертие, есть и его фамилия. Ему повезло, он не погиб в 1941-м. Дожил до 2005 года. Я много раз встречался с ним в редакции, расспрашивал о его сценарии фильма "Поезд в далекий август", где должен был играть Иосиф Бродский, но дальше проб киевское начальство опального поэта не пропустило. До сих пор слышу рубленный стих, когда Поженян читал:

Я не гость, не приезжий
Не искатель затей.
Кто ж я? —
Гул побережий, соль набухших сетей,
Боль ладоней растертых,
Смутный ропот полей
И летящий над портом
Легкий пух тополей.

Поженян не самый крупный из поэтов военного поколения, не Слуцкий, не Самойлов, не Межиров, но в каждом из них, обоженных войной, было нравственное начало, определившее их место и в поэзии, и в обществе.

Борис Херсонский:

— Этим же ощущением продиктовано было переиздание мною книги моего отца. Стихи, вошедшие в сборник, написаны в военные и послевоенные годы, когда, по словам Пастернака, люди жили предчувствием несбывшейся свободы. В этих стихах нет фальши и лжи (вещь редкая и в нынешнее время, а в те времена почти невероятная). Вот одно из его стихотворений:

Дрянь под ногой: обрывок да окурочок.
Ноябрь брюзжит, и ты с собой на "Вы".
В такие дни не встретишь белокурых,
В глазах — и то не видно синевы.
Бредешь... И вдруг — расходится ненастье,
Как будто грань весенняя легла.
Ты чувствуешь, что замерзшее счастье
Несешь в груди от самого угла.
Безмолвное средь уличного гула
С угла Гаваной море промелькнуло.

Евгений Голубовский:

— Мы с тобой поговорили о поэзии, о живописи, о библиотеке, но вот о театре...

Борис Херсонский:

— Еще о "Горьковке". Я больше люблю читать дома. Но естественно, когда работал над диссертацией и когда подбирал материалы об истории психоанализа в Одессе, неделями сидел в библиотеке. Правда, по последней теме мне больше помогла Валентина Яковлевна Коган, дочь переводчика З. Фрейда, врача Якова Моисеевича Когана.

А теперь о театре. В кукольный театр на Херсонской ходил я, более то-

го, спустя годы, водил туда сына. Как и библиотека, построенная Ф.П. Нестурхом в 1907 году, Реформатская церковь, где размещался театр кукол, построенная по проекту А. Бернардацци, В. Шретера и Х. Скведера в 1896 году, стала архитектурной доминантой улицы. Сейчас здание реконструировано. Но тогда интерьер здания был полностью руинирован, меня здесь снимала Наташа Смирнова в телепрезентации моих переводов псалмов Давида. Акустика зала была прекрасна, и странно было читать стихи в гулком опустошенном храме.

Между прочим, я участвовал в переговорах между Союзом театральных деятелей и руководством общины в качестве посредника. Договорились о том, что выселять Союз не будут до тех пор, пока им не дадут помещение. Насколько я знаю, помещения у них до сих пор нет.

Евгений Голубовский:

— Да, им выделили часть соседнего дома на Херсонской, 60. Но пока они его ремонтировали, какие-то чиновники успели два или три раза его перепродать. Идут суды. Церковь добилась решения об отселении театралов. А куда им вселяться — неведомо. А ведь когда-то Дом актера был одним из ярких культурных центров Одессы.

И о театрах. Естественно, и я бывал в Театре кукол. Но особенно помню спектакль для взрослых "Остров мира" по пьесе Евгения Петрова.

Но на этой улице есть еще и Украинский театр имени В. Василько. Василия Степановича я не знал, но бывал в его квартире, беседовал с его вдовой, видел потрясающий архив, читал его пьесы. Радостно, что этот театр вновь обрел публику. Как и в двадцатые годы, возникло соперничество между Русской драмой и Украинской. Тогда два театра одновременно предлагали зрителю И. Бабеля. Сейчас — одновременно — на двух сценах идет "Гамлет". Я считаю, что спектакль, поставленный в Украинском театре Дмитрием Богомазовым, — это событие.

А впрочем, на Херсонской были и есть еще театры. Театр кукол "перевели" в помещение рядом с Украинским театром. Если раньше он влачил жалкое существование, то с приходом директора Иосифа Мерковича театр перестраивается, становится еще одним культурным центром. Это нынешние театры. Мало кто помнит, что на Херсонской, 29, был театр "Колизей", где пели Иза Кремер, Леонид Утесов.

Борис Херсонский:

— На улице не много мемориальных досок. Но все же они есть. Херсонская, 52, связана с именами трех врачей — И. Луценко, Ю. Липы и И. Липы. Они больше известны как деятели украинского возрождения.

А разве можно не заметить увековеченные имена микробиолога Н. Гамалеи, не только врача, но и философа, И. Мечникова?!

Евгений Голубовский:

— Когда-то на секции книги Дома ученых мы ввели ежегодную тему: книжные прогулки по одесским улицам. По улице Херсонской тогда нам помог путешествовать Александр Розенбойм. Многое из того, что я помню об этой улице, узнал от него. В моем блокноте есть записи о том, что на Херсонской, 56, был одесский губрозыск, куда приходили И. Бабель, Е. Катаев, что на Херсонской, 60, был Особотдел армии, куда явился Мишка Япончик, чтобы из своих поделщиков сформировать "полк имени тов. Ленина", что на Херсонской, 26, находилось реальное училище В. Жуковского, где учился Эдуард Багрицкий, что на Херсонской, 42, перед революцией работала женская гимназия Е. Пашковской, где преподавала баронесса Мейендорф. Уже в наши годы мемуары Мейендорф публиковал Олег Губарь, кстати, тоже "человек с улицы Херсонской".

Борис Херсонский:

— Как и любая улица старой части города, Херсонская дает возможность проследить биографию Одессы за 215 лет ее истории.

Евгений Голубовский:

— А теперь у меня вопрос к тебе, а по сути, и к себе. Как так получилось, что мы, добиваясь возвращения улицам исторических названий, когда были депутатами горсовета, всем улицам вокруг Херсонской возвратили: Ольгиевская, Софиевская, Княжеская, Торговая, — а Пастера осталась на карте Одессы? Пастер был великий ученый, но его связь с Одессой такая же, как у Ньютона, Эйнштейна, Лобачевского. Мне жаль было, когда площадь лишилась имени народовольца Мартыновского, но она была и остается Греческой. Мне жаль было имени писателя и правозащитника В. Короленко, но улица была и вновь стала Софиевской. Может, какие-либо службы горисполкома пропустили Херсонскую? Тем более что в самом авторитетном справочнике Якова Майстрового она вновь названа Херсонской.

Давай считать, что этот наш с тобой диалог — заявление в комиссию по наименованию и переименованию улиц. Верните Херсонской ее историческое название!

От редакции. Новые стихи Бориса Херсонского читайте в разделе "Поэзия".